

Сосна стояла над обрывом, наверное, не меньше двухсот лет. Узловатые, покрытые чешуйчатой корой корни густо переплели скалу и ушли куда-то внутрь, в ее глубокие расщелины. Ветер, налетавший с Азгекского перевала, пытался согнуть сосну и зимой, и летом, но только постепенно обламывал ей сучья, а дерево стояло так же, как и десятки лет назад, лишь слегка клонясь к горе, будто в поисках защиты. Ствол сосны покрылся затвердевшими пластинками, словно броней, а ветви со временем стали расти в одну сторону — ветер развернул их по склону, как флаг.

Ранним летом сосна цвела, окутываясь желтой пылью, но семян не давала, они здесь не вызревали. Выше всех других деревьев забралась сюда сосна и, стоя на скале, была видна издалека, от самого дна Хатипарской долины.

Когда по ущелью бродили туманы, сосна высилась над ними, как маяк. Окутанная их седыми прядями, она выбрасывала вверх свои могучие сучья, похожие на привидения.

Тебердука помнил эту сосну еще с тех пор, как впервые, в молодости, поднялся сюда, на Большую Хатипару. Он не раз дивился ее живучести, но прошлой зимой буря надломила вершину дерева, и, хотя сосна продолжала стоять,

Тебердука решил — к ней подошла старость.

Ему стало грустно, потому что он подумал и о своей жизни, ее тоже осталось немного. Его корежило в свое время, наверное, не меньше, чем эту сосну, у которой постоянно обламывал сучья. И если вспоминать прошлое, то можно только удивляться — как же это он: не сломился и сумел прожить все свои восемьдесят лет?

Уже тогда, как умерла Айшат, Тебердука понял, что на свете все идет совсем не так легко, как ему казалось вначале. И не столько бедность его угнетала, сколько несправедливость судьбы.

Без Айшат, несмелые ласки которой трудно было забыть, жилось одиноко. Из отцовского коша он ушел, нанявшись чабаном к богатому соседу. Овечью отару теперь он пас на Гедеже. Пастбище, окруженное скалистыми хребтами, часто засыпалось камнями. Под камнепад не раз попадали и овцы. Хозяин удерживал с него деньги за каждую погибшую от камней овцу.

Тебердука и сам едва там уцелел: однажды летящий сверху камень сбил с него шапку и, если бы он вовремя не пригнулся, то уже никогда бы не поднялся.

«Как на фронте», — усмехаясь,

подумывал иногда Тебердука, и все-таки с Гедежа он долго не уходил.

У хозяина, который жил в коше здесь же, на пастбище, была смуглолицая дочка — Каракыз. Недаром имя ее означало — «Чернявая». Ей исполнилось лишь семнадцать.

Девушка, развлекаясь, бродила по лугу, иногда забиралась в скалы, прыгая по ним, как коза. Там она начала встречаться с чабаном.

Сперва она смущалась, а потом привыкла и приходила к нему на пастбище почти каждый день. Каракыз любила слушать, как чабан играл на сыбызги, самодельной дудке из тростника. Она тоже захотела научиться играть, но у нее долго ничего не получалось. Как только она начинала вытягивать губы, чтобы дуть в сыбызги, ее одолевал смех. А потом они дружно хохотали оба, и, наверное, сыбызги здесь уже была ни при чем. Бог знает, может быть, их просто переполняла радость от каждодневных встреч, без которых они уже не могли жить.

Иногда они поднимались на ближайший перевал, откуда хорошо было видно черное Муруджинское озеро. Округлое, глубоко сидящее среди обрывистых скал, оно оказалось гигантским газом, устремленным в небо. А вокруг озера вздымались серые горные хребты, хаос скал, пустынные каменные осыпи.

Они подолгу молча смотрели на скалистые нагромождения с затерянным посреди них малахитовым озером. Безмолвное величие гор и успокаивало, и волновало. Все обыденное, привычное тут забывалось. Может быть, поэтому здесь, на Гедежском перевале, Тебердука и сказал Каракыз о своей любви. Он хотел бы жениться на девушке, но знал — ее родители согласия не дадут. И не только из-за того, что он был беден и не смог бы дать хорошего калыма, а еще и потому, что Каракыз и ее родители принадлежали к сословию узденей, считавшихся свободными горцами, он же происходил из кулов, бывших рабов. Давно уже не было на свете этих

сословий, а обычаи, не позволявшие им смешиваться, все еще оставались. Они мешали Тебердуке взять любимую девушку в свой дом.

У него не оставалось другого выхода, как украсть Каракыз. С нею Тебердука уже договорился. Но перед этим решил все-таки обратиться к ее отцу. Разговор закончился печально. Богач, взбешенный дерзкой просьбой батрака, к тому же, человека низшего сословия, выгнал его из коша. Тебердука ушел в аул и стал готовиться к похищению девушки.

Но здесь внезапно умер старший брат, оставив жену и двух детей. По старинным правилам, вдову с детьми должен был взять в свой дом неженатый брат. Ельмесхан была старше его и совсем ему не нравилась. Да и мог ли он думать о ней, если любил нежную Каракыз?

Тебердука пошел на Гедеж, вызвал условленным свистом девушку и там, среди скал, где они раньше встречались, сказал ей, что теперь пожениться они уже не смогут.

Этот день, когда он отказался от Каракыз, запомнился ему навсегда. Ясное небо неожиданно закрылось выползшей из-за перевала черной тучей, она огненными кнутами с грохотом стала стегать горы. Потом посыпался крупный, с голубиное яйцо, град.

Прячась под скалой, они увидели, как отец Каракыз пытался загнать отару в лес. Но недавно стриженные овцы, обезумев от удара градин, бежали к обрыву — и Тебердука знал — стоит прыгнуть одной из них, как за ней в пропасть последует вся отара.

Он хотел поспешить на помощь, но Каракыз, плачущая от горя перед разлукой с любимым, схватила его за руку. Намокшие волосы ее были распущены, глаза лихорадочно блестели.

— Пусть все пропадет пропадом! — закричала она, — я жить без тебя не хочу. А ты думаешь о каких-то овцах...

Она упала ему на грудь. Удар грома заглушил ее слова.

Горы грозно гудели. За сплошной сеткой дождя, сменившего град, уже ничего не стало видно. Потом загрохотал мощный камнепад. А молнии, как бешеные, все хлестали и хлестали землю...

Тебердуке казалось, что сам аллах возмутился несправедливостью судьбы любящих друг друга людей, которым не суждено было быть вместе. Он ждал его вмешательства и милости.

Но никакого чуда не произошло. Тебердуке пришлось взять к себе Ельмесхан с детьми, а Каракыз с разорившимся в тот день отцом (почти все овцы его погибли, часть под обрывом, часть — от камнепада) уехала в другой аул, где родные вскоре насильно выдали ее замуж.

И опять каждое лето стал жить на Большой Хатипаре Тебердука. Теперь он стал хозяином маленького стада коров и овец — вместе с вдовой и двумя мальчишками к нему перешло имущество покойного брата.

Через некоторое время Ельмесхан родила ему девочку, назвали ее Зулихат. Потом жена стала болеть, детей у них больше не было. Сыновья брата росли, считая Тебердуку своим родным отцом. Да и он полюбил их — хорошие, послушные были парни.

В колхоз, который образовался в поселке, Тебердука вступил одним из первых. Вместе с сыновьями он стал пасти колхозную отару.

Поселок, где они жили, известен был среди туристов. В колхоз часто обращались за проводниками. Председатель обычно вызывал Тебердуку, который тогда оставлял овец на попечение сыновей, а сам по горным тропам водил туристов, иногда иностранцев. Однажды три дня он провел с немецкими туристами. Они назойливо расспрашивали его про каждую тропинку, про все выходы и входы в ущелья, про малоизвестные перевалы, так что он даже изумился: жить, что ли они тут собираются?

Как-то среди зимы, а зима была очень снежная, вызвали его в поселковый

Совет и сказали, что надо провести конников через перевал к морю.

Тебердука лишь посмеялся в ответ. Люди через перевал зимой не смогут пробиться сквозь снега, а чтобы еще с ними и лошади... Ну, ладно, люди пойдут на лыжах, а кони? Но в Совете не раздумывали — задание важное, и лучше него никто не знает эти горы.

А он как раз и знал: горы здесь непроходимы еще и потому, что перевал стерегут лавины. Миновать их на крутом подъеме, да еще с обозом, с лошадьми, пока никому не удавалось. Но раз надо — так надо. Он задумался: главное перехитрить лавины, пройти мимо них тогда, когда они спят.

Все мужчины поселка отправились раскапывать снежные траншеи для того, чтобы провести конников. Лошади были как на подбор, красивые, сильные. Их вели лучшие джигиты. По траншеям шли ночью, в мороз, в полной тишине. Лавины не проснулись. Перевал был успешно преодолен. Тебердука получил Почетную грамоту от самого наркома обороны.

В ту пору он еще не знал, что конный переход через перевал был нужен для того, чтобы в случае войны уметь бороться здесь с врагом. Да и мог ли думать Тебердука, что когда-нибудь сюда придут с оружием чужеземцы?

Но война началась. Оба сына ушли на фронт. А через год вспомнили и о Тебердуке, которому шел шестой десяток. В Совете его попросили провести через перевал, к морю группу детей — им здесь угрожала опасность. Враг подходил к предгорьям, и дети испанских революционеров, лечившиеся в санаториях, должны были быть переведены подальше от линии фронта. На равнине враг пути уже перерезал, оставалась лишь тропа через перевал.

Лето было в разгаре, кругом все зеленело и цвело, снежные вершины мирно отражались на поверхности голубых озер. Трудно было поверить, что сюда, в тишину гор, мог ворваться грохот войны.

К подножию перевальной горы

детей доставили на грузовых машинах. А вверх по склону им пришлось идти пешком.

Дети были больны. Они шли с трудом, опираясь на костыли. Но на шее их краснели галстуки, а на груди блестели пионерские значки. Дети бодрились, они знали — надо успеть пройти перевал. Подъем был крутой, самые слабые дети стали падать, просить отдыха. Сопровождавшие их медицинские сестры, плача, пытались им помочь. Тебердука по очереди брал детей на руки и нес их на себе.

Над Клухорским перевалом летали немецкие разведывательные самолеты. Тебердука впервые увидел, на их крыльях черных пауков. Эх, жаль не было у него винтовки! У перевала детей встретили пограничники. Они накормили их и помогли провести по снежной тропе. Потом пограничники простились, помахали рукой и остались на своем посту, а Тебердука повел детей дальше, к морю.

Когда он возвращался обратно, перевал оказался занят немецким десантом. Пограничники были перебиты. Тебердука едва не попала в руки врагов. Но он издали слышал немецкую речь и, затаившись в скалах до ночи, прошел через горы по звериной тропе.

Поселок фашистами еще не был занят. Но немцы уже приближались по долине, и все кто не хотел оставаться у них, поспешно уходили с партизанским отрядом в горы. Отряд двигался к перевалу. И если бы Тебердука не предупредил, возможно, он попал бы под немецкие пули.

Командир поблагодарил, старика за важное сообщение и просил его помочь провести отряд через другие, менее известные, хотя и более трудные перевалы.

Тебердука задумался. В кошу на Большой Хатипаре у него осталась семья. Что будет с ней, когда сюда, придет враг?

Он посмотрел вокруг себя. Горы были уже не те. Подоженные кем-то заповедные леса горели по склонам. Над поселком падали пылающие факелами

деревья, со скал скатывались раскаленные камни. Люди с оружием в руках стояли рядом со стариком и ждали от него ответа. Лица их были суровы. Люди были отсюда, из его страны, а к поселку подходили чужеземцы. Партизаны надеялись на его помощь.

На память пришла старинная поговорка — «только кукушка не защищает свой очаг». Тебердука сказал «хорошо» и молча повел отряд в горы.

В ущелье, на развилке двух дорог, идущих к разным перевалам, отряд взорвал мост и решил устроить засаду, дать немцам первый бой.

Когда на дороге показались вражеские мотоциклисты, их встретили залпом. Одного из них снял Тебердука — командир перед боем выдал ему карабин.

Бой длился весь вечер. Немцы обстреливали партизан минометами. Ночью отряд тихо снялся и исчез в лесу. Тебердука повел его к Алибекскому перевалу, куда немцы добраться еще не успели.

В отряде теперь были раненые. Их несли на носилках. А убитых захоронили на месте боя.

Так война вошла в эти горы, а старый Тебердука, не собираясь воевать, незаметно для себя сделался ее участником.

Партизанский отряд назывался «Мститель». Тебердука считал, что это хорошее название. Врагу надо мстить за все. Прежде всего, думал Тебердука, за поруганные горы.

Тебердука провел партизан через Алибекский перевал. У второго перевала — Марухского их встретила советская воинская часть. Она уже сдерживала натиск только что появившихся с другой стороны вражеских войск.

Тебердука хотел возвратиться домой, но здесь к нему обратился командир воинского соединения. Надо было с юга вывести бойцов на высоты, которые собирался захватить враг.

В сванской деревушке по южному отрогу Главного хребта из жителей, знавших дорогу к перевалу Убитого зубра, осталось лишь двое стариков.

Один из них болел, а другой ни за что не соглашался идти, заявив, что перевал Домбай-Ульгена — место плохое и злые джины не пропускают туда людей. Он говорил еще, что там, на вершинах гор, живет прекрасная Дал, покровительница дичи, и гневать ее нельзя. Духи за это мстят.

Тебердука никогда не поднимался с юга к этому перевалу, но он подумал, что его отец, знаменитый «доммайчи», не раз в поисках зубров ходил в отрогах Домбай-Ульгена, и богиня Дал его не наказывала. Он расспросил старых сванов о пути на перевал и повел отряд по крутой каменистой тропе. Вскоре они вступили на снежные поля, которые их встретили метелью. Потом вокруг загрохотали лавины. Тебердука знал, как их надо обойти, он ожидал ночи.

По ночному морозу при луне он вывел бойцов к перевалу где, по сванскому поверью, жили прекрасная Дал и джины. Воины поспешно заминировали проходы и, в ожидании врага, стали строить укрепления. Тебердука мог возвращаться домой.

С большими трудностями он добрался до своего поселка. Ельмесхан и Зулихат уже не считали его живым. Колхозных овец и часть скота, принадлежавшего Тебердуке, немцы отобрали. Но худшее было впереди. По доносу его через несколько дней арестовало гестапо. За помощь партизанам ему грозила смерть.

Допрос вел офицер лет тридцати, со шрамом на шее. Тебердека его сразу узнал. Это был один из немецких туристов, которых он до войны водил по горам. Турист еще в то время подарил ему фотографию: среди немецкой группы сидел и проводник Тебердука.

Офицер стал присматриваться к нему и, наверное, тоже его вспомнил.

Он сказал на ломаном русском языке:

— В мирное время, старик, ты мог водить в горы кого захочешь. А теперь за то, что водишь врагов великого рейха, ты должен поплатиться своей жизнью. Понял, старик, в чем тут разница?

Тебердука, стоя перед столом, за которым сидел гестаповец, по возможности спокойно ответил:

— Ага, начальник, мало-мало понял...

Он едва не сказал — «товарищ начальник», как привык говорить, если к нему обращались приезжие из района. Там ему все казались начальниками. Однако он вовремя спохватился.

— Ой, начальник, какой я дурак был,— продолжал Тебердука,— я раньше водил здесь кого попало. Даже своих будущих врагов. Только откуда я, темный человек, мог знать — где враги, а где их нет... Я чабан, начальник, темный человек.

Офицер, может быть, не разобрал, что сказал Тебердука или сделал вид, что не понял.

— Теперь ты, старик, расскажешь мне — куда и кого ты водил?

— Я много водил, начальник, ой, как много. Иностранцев водил в горы, они мне даже карточки дарили. И еще...

— Ты старый болтун! Я тебя спрашиваю — куда ты отвел партизан?

— Я партизан не знаю. Я только чабан...

— Ах, ты только чабан? Ганс! — разъяренно крикнул он своему помощнику, стоявшему за дверью,— возьми его, развяжи язык...

Ганс, рослый детина, вошел в комнату и грубо подтолкнул старика. Тебердука успел заметить на рукаве его мундира изображение костей и черепа. «Ну этот сейчас отправит меня на тот свет»,— испуганно подумал он.

Тут зазвонил телефон и, подняв трубку, офицер остановил Ганса.

О чем он говорил по телефону, Тебердука не знал, но после разговора гестаповец снова обратился к нему:

— Слушай, старик. Через час ты поведешь наших солдат. Туда, куда тебе прикажут. Только смотри!— он погрозил ему пистолетом, взяв его со стола,— не вздумай бежать.

Темнело, когда Тебердука повел немецкий отряд к Азгекскому перевалу. Он догадался — за перевалом, у горы

Девяти озер, по слухам, держались партизаны; туда и направились каратели.

Тропа проходила через его родную долину Большой Хатипары, там еще и сейчас находилась его семья. Тебердука повел немцев в обход своего коша, чтобы они не заметили, что тут кто-то живет. Дойдя до слияния трех ручьев, он пошел не вдоль правого потока, бегущего с перевала, а по течению среднего, выходящего из Каменного котла.

Он еще не знал, зачем он ведет туда фашистов. Он помнил лишь одно — Каменный котел — очень плохое место. Уж если есть на свете горные духи, то в первую очередь они здесь. Когда попадают люди в эту котловину, горные духи сердятся. От их раздражения даже камни кричат. Может быть, что-нибудь произойдет и на этот раз. Во всяком случае в сторону Токуз-кельбаши — горы Девяти озер — старик решил немцев не вести.

Приближался рассвет. Созвездие Большой Медведицы, оседлав хребет Малой Хатипары, наполовину сползло к горе Кенделлеяр. Как только уйдут туда еще две звездочки, побледнеет восток. Надо спешить, чтобы успеть затемно увести немцев в Котел.

Стояла осень, ночи сделались холодными. И чем выше поднимался отряд, тем колючее становился морозец: под ногами кое-где в лужах хрустел ледок. Немцы, идя цепочкой вслед за проводником, ежились, сонно переговариваясь, хрипло покашливали. Видимо, они устали. Командир решил сделать привал.

Тебердука пытался возразить, но офицер на него прикрикнул. Достав провиант, солдаты начали завтракать. Проводнику тоже бросили в руки коробку консервов и краюшку хлеба.

Тебердука раздумывал: как бы завести их поглубже в Котел, а самому убежать? Вся надежда была на туман — по ночам он всегда укладывался в котловине, а потом долго утром курился над скалами.

Светало. Закричали первые улары. Немцы встrepенулись, быстро

заговорили, засмеялись. Один из солдат стал подражать мелодичному крику горных индеек.

— Старик,— обратился к проводнику по-русски офицер, — мы хотим, чтобы ты нам показал наш любимый эдельвейс.

Тебердука не понимал.

— Смотри,— офицер снял шапку, на ней, как и у всех солдат, было нашито изображение горного цветка,— смотри, старик, вот эдельвейс!

Тебердука никогда не встречал эдельвейса в своих горах, этот цветок здесь не произрастал.

— Наша дивизия — «Эдельвейс»,— продолжал офицер,— и наша эмблема — эдельвейс. Мы хотим видеть здесь цветок своими глазами. Он растет как раз в таких скалах. Правда, старик?

Тебердука, поняв теперь о чем идет речь, охотно согласился.

— Ага, начальник. Пойдем туда, к скалам, я покажу ваш цветок.

А сам подумал: «Вы запомните этот день и это место».

Едва они вступили в котловину, как их окутал густой плотный туман. Немцы, видимо, не имели ни малейшего представления, где они находятся. К тому же Тебердука нарочно отвел их в сторону от ручья, чтобы они не сумели быстро сориентироваться. В тишине слышался лишь топот солдатских ног да иногда приглушенные голоса.

Совсем рассвело, но за туманом ничего нельзя было разглядеть даже в нескольких шагах.

Убедившись, что отряд зашел в самую глубину Каменного котла, Тебердука повел его к крутой скалистой стене и сказал офицеру:

— Большой туман, начальник. Мало-мало надо разобраться. Надо дорогу искать.

Офицер выругался и остановил отряд. Одного проводника он не отпустил, а послал с ним солдата, приказав не отходить от него ни на шаг.

Тебердука с солдатом пошел вдоль каменной стены. Потом он повернул в другую сторону и, оста-

новившись, стал что-то разглядывать на земле.

— Смотри, солдат, партизаны прошли.

Немец нагнулся. Схватив камень, Тебердука ударил его по голове. Тот упал без крика. Тебердука взял автомат, забрался на скалу и открыл в сторону отряда стрельбу.

Каменный котел загудел от за-метавшегося среди скал эха.

Испуганные немцы слышали пальбу со всех сторон. Они решили, что их окружили партизаны. Немцы стали отстреливаться, ничего не видя в тумане.

Каменный котел ревел от грохота. Такого в нем никогда еще не было. Наверное, звери, которые держались в скалах, обезумели от грозного гула и убегали куда глаза глядят.

Тебердуке стало страшно. Казалось, это ревели не говорящие камни, а сами джины. Конечно, Хозяин гор не простит ему такой заварухи в своем

убежище. Но, лихорадочно размышляя, старик решил: когда доберется до него Апсаты — еще неизвестно, а от немцев он, Тебердука, сейчас постарается уйти. Лишь бы джины выпустили живым.

Джины его не тронули. Каменный котел остался позади, но оттуда еще

долго доносилась канонада выстрелов. Теперь Тебердука спешил на свой кош: надо было скорее спасти семью.

На кошу вместе со стариками жила их дочь, Зулихат. Незадолго перед войной ее выдали замуж, но мужа взяли на фронт, и она осталась в семье отца. Со дня на день Зулихат ждала рождения ребенка.

Тебердука помнил, как погибла на кошу во время родов Айшат, но теперь другого выхода, как спастись от немцев в горах, не было.

Наскоро захватив самое нужное, имущество и продукты, Тебердука, вместе с женой и дочерью, погнал своих овец и коров в глубину леса, где старик знал потайные полянки — на них по солнечным пригревам можно было пасти животных даже в зиму.

Тебердука устроил семью под навесом скалы. Здесь через день Зулихат родила ему внука. Назвали его Зауром.

Крохотного Заура теперь отогревали в шкурах у горящего костра. Огонь поддерживали день и ночь. Тебердука придумал отвод дыма в глубину пещеры, откуда он по расщелинам, не давал о себе знать, незаметно расходился между камнями.

Первое время Тебердука боялся выходить из леса. Когда кончилась мука, женщины стали собирать кислячку — дикие яблоки и груши. Но больше всего выручали молочные продукты, ведь домашние животные были рядом.

Наконец, как-то ночью, Тебердука пробрался к родственникам в поселок. Ему сказали, что немцы ищут его и семью. Ходят слухи, что Тебердука завел немцев в партизанскую засаду, где много их было убито.

«Слава аллаху, они друг друга перестреляли», — обрадованно подумал Тебердука.

Не один он спасался в то время в горах. Многие семьи уходили в леса для того, чтобы сохранить свой скот, который отбирали немцы.

Уходя за продуктами в поселок, Тебердука старался не оставлять за собой следов: шел по ручью, по камням, по

стволам упавших деревьев.

Но вот наступила зима. Снег запылил землю. Созвездие Ориона, которое старики называли Бычьей упряжкой, по ночам сверкало так же ярко, как и раньше, в мирные дни. Глядя на него из своей пещеры, Тебердука с грустью думал, что на небе все по-прежнему, а на земле полный беспорядок. И если немцы останутся здесь надолго, значит справедливости в мире нет.

Как-то незадолго до нового года он крался в сумерках по улице поселка. Услышав шум, остановился. Из подъезда большого здания — это был санаторий — немецкие солдаты выносили на носилках больных детей и погружали их в черную закрытую машину.

Дети плакали, кричали, молили о помощи. Стоявшие у дверей фашисты грубо хватили ребят и заталкивали их внутрь машины.

Тебердука, затаившись за деревом, не понимал, куда отправляют детей.

Его сердце раздирали жалость потому, что это были совсем беспомощные больные дети.

Здесь оказались и малыши по три-четыре года, и мальчики, и девочки пятнадцати-шестнадцати лет. Все они были очень худы, а одеты в одно нижнее белье. Наверное, их взяли прямо с постелей.

— Дайте мне одеяло... ведь я замерзну! — послышался плачущий детский голос.

Немцы захохотали и тут же шумно сдвинули обе половинки двери в машине. Что-то там щелкнуло, машина загудела и медленно тронулась по дороге. Потом заехала неподалеку в березовую рощу и, продолжая гудеть, остановилась под деревьями.

Тебердука, так и не разобрав ничего, пошел дальше, пробираясь к родственникам.

А через несколько дней, когда он снова вернулся в поселок, ему рассказали, что фашисты увезли больных детей в душегубках, где уморили их газом, и потом закопали в неизвестном

месте.

Тебердука вспомнил испанских детей, которых он успел увести через перевал. Он еще тогда удивился — зачем уходят отсюда больные дети, ведь они никому не могли принести вреда.

В первых числах января немцы были выбиты с Клухорского перевала. В панике они отступили и из поселка.

Тебердука с семьей мог, наконец, вернуться в свой дом.

Размышляя не раз об истории, происшедшей с ним в Каменном котле, он приходил к выводу, что Хозяин гор тогда не рассердился на него, как он опасался, а, наоборот, помог ему уйти от врагов.

Да и как могло быть иначе? Горы, в которых он родился и жил, не могли сделать ему худого. Апасаты помогал ему потому, что Тебердука встал на защиту родных гор.

Старик, поглядывая на обломанную, но все еще могучую сосну, крепко вцепившуюся корнями в скалу, иногда думал: «А мы с тобой все бури выдержали. Хоть и надломило нас, а мы выдержали. И еще поживем. Поживем в этих горах, сосна...».